

Контр-революция разгуливает

Александр Моисеевич Атабекян

1918

Александр Моисеевич Атабекян
Контр-революция разгуливает
1918

Скопированно 24 июля 2018 из
<http://oldcancer.narod.ru/Atabekian/A/90.htm>

А.М. Атабекян. Контр-революция разгуливает // Анархия.
— 1918. — № 90, 21 июня. — С. 3.

ru.theanarchistlibrary.org

Контр-революция не грядет. Контр-революция пришла.
Контр-революция свободно разгуливает.

Я был наивен. Я думал, что контр-революция — миф,
выдумка праздной фантазии.

Вчера я ее увидел наяву, в образе и подобии Божиим.

Не правильно ли разве: всё, что нас возвращает к
царским временам «управления обывателем», — контр-
революция?

В царские времена неизвестные лица в гороховом паль-
то или в блестящей форме (суть не в одежде) проникали бо-
лее или менее нахально, более или менее грубо в частные
квартиры, высматривали и допрашивали или обыскивали
и арестовывали.

Позавчера, когда меня не было дома, какой-то тип в
«штатском» позвонил ко мне на квартиру. Дверь открыл
товарищ-солдат, только что бежавший из австрийского
плена и остановившийся у меня.

Не по описке я сказал «беглый пленный». Уже сколько месяцев прошло со времени подписания брестского мира, уже «наш» посланник в Берлине давно устраивает «дипломатические» даровые обеды для своих изголодавшихся дипломатических приятелей, уже Германия вступила во владение всей при-оазисной полосой, самоопределённую ею: Финляндией, Прибалтийским краем, Украиной, Крымом, Доном, Закавказьем, а наши пленные всё ещё сидят на чужбине за принудительными работами.

Торгуются. Хотят завести меновую торговлю живым товаром: «голову за голову». Это ли не равенство?

Вернёмся к рассказу.

Так вот: дверь открывает беглый пленный, и «тип», проникнув в квартиру, начинает допрашивать, — не назван ли своего звания, ни моей фамилии, — нет ли у «него» ... пишущей машины?

Под «он» подразумевался я, ваш покорный товарищ.

«Тип» настоятельно требовал показать мой «кабинет», предупредил, что будут плохо, если утаят машину, и т. д.

Еле беглый пленный своим крепким видом «уговорил» явиться в другое время, когда я буду дома.

Вчера «тип» явился снова.

Не поздоровавшись, не назвавшись, не попросив ни согласия, ни разрешения, опять полез в комнату, стал осматривать предметы на столе, поднимать с них покрывавшую бумагу.

Услышав незнакомый голос, я вышел из соседней комнаты. Спрашиваю:

— Кто вы такой, и что вам нужно?

— У вас здесь типографский шрифт! — заявил мне «тип» вместо ответа.

— Какое вам дело! Вот вчера ещё забрался ко мне на квартиру какой-то нахал и стал спрашивать и искать пишущую машину.

— Это был я, — скромно заметил «тип».

— У меня не только имеется типографский шрифт, у меня есть уйма других предметов: самовар, чайник, стаканы и т. д. Какое вам до этого дело!

— Разве вы можете у себя иметь всё, что вам захочется? — возразил мне буквально «социалист по найму» и, вынув из кармана записную книжку, спросил мою фамилию и начал что-то записывать.

Вместо фамилии я его попросил не стеснять меня своим присутствием.

«Тип» ушёл, пригрозив явиться «иначе».

Я осмотрел, не пропало ли что со стола, и теперь жду.

Подождите и вы, читатель, чтобы прочесть конец «бытового рассказа».

Это ли не обнаглевшая контр-революция?

«Типы», не поклонившись, не назвавшись, не попросив разрешения, вламываются в частные жилища, допрашивают, осматривают, угрожают.

У большевиков когда-то было вписано в программу: неприкосновенность домашнего очага.

Что же они, всеильные, у власти, дремлют!

Контр-революция пришла, контр-революция среди бела дня топчет ногами «завоевания революции» и лучшие параграфы из их программы, а они там забавляются... стрельбой в анонимную цель — в толпу огульно арестованных.